

БОГОСЛОВИЕ

УДК 276+23

Д. В. Исаев

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ТЕРМИНА «ИПОСТАСЬ» В СИРИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В СООТНОШЕНИИ С ЕГО ПРАВОСЛАВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ

Аннотация: В статье анализируется понимание термина «ипостась» в сирийской традиции, рассматривается как «монофизитский», так и «несторианский» подход, приводятся примеры интерпретации термина в трудах богословов, а также даётся краткая характеристика подхода к интерпретации данного термина и определяется важность осмысления сходства и различия богословской терминологии в контексте развития учения о благодати свт. Кирилла Александрийского. В числе рассматриваемых авторов такие, как Бабай Великий, Феодор Абу Курра, Севир Антиохийский, преподобный Анастасий Синаит. Основываясь на анализе текстов христианских авторов, а также имеющихся в научном обороте данных о понимании термина «ипостась» в православном, монофизитском и несторианском контекстах (преимущественно сироязычных), делаются выводы о следствиях различного рассмотрения терминологии.

Ключевые слова: патрология, ипостась, богословская терминология, христологический спор, несторианство, монофизитство, Бабай Великий, Севир Антиохийский, свт. Кирилл Александрийский, прп. Анастасий Синаит.

Цитирование: Исаев Д. В. К вопросу о понимании термина «ипостась» в сирийской традиции в соотношении с его православной интерпретацией // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 3 (28). С. 12–27.

Сведения об авторе: Исаев Данил Владимирович – кандидат филологических наук, и. о. заведующего кафедрой церковно-практических дисциплин Оренбургской духовной семинарии, доцент Оренбургского государственного педагогического университета (Россия, Оренбург). E-mail: amarielsiannodel@gmail.com

Поступила в редакцию 22.02.2023

Принята к публикации 10.10.2023

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения терминологических оснований богословских формулировок в рамках межконфессионального диалога. Проблемы, вызвавшие разделение Церкви на соборе в Халкидоне, во многом определяются различным подходом к интерпретации традиционной, в первую очередь христологической терминологии. Изучение истории интерпретации понятийно-богословского аппарата позволяет не только определить расхождения, но и лучше раскрыть особенности православной традиции. В христологических спорах ключевое место занимает термин «ипостась», через который определяются христологические формулы православных, монофизитов и несториан.

Цель исследования заключается в сопоставлении понимания термина «ипостась» в сирийской традиции (преимущественно Церкви Востока, однако рассматривается и понимание у Севира Антиохийского и его последователей) и его православной интерпретации. Сирийская традиция является одной из менее изученных, и в то же время одной из наиболее древних ответвлений древней Церкви. Изучение богословских вопросов, связанных с развитием сирийской традиции, связано с пониманием разделения христианства на территории Сирии на две ветви, «монофизитскую» и «несторианскую», как они традиционно называются в богословской литературе.

Новизна исследования состоит в систематизации сопоставления интерпретации термина «ипостась», анализа предпосылок терминологических различий и христологических последствий, проведённых как классическими христианскими авторами, так и современными исследователями. Некоторые из привлекаемых текстов Бабая Великого не переводились на русский язык.

Методы исследования включают в себя анализ богословской литературы, терминологический и лингвистический анализ, а также герменевтический анализ. Непосредственно для целей настоящего исследования количественные методы не представляются необходимыми, однако дальнейший анализ в перспективе предполагает их использование.

Рассмотрение богословия Церкви Востока и Яковитской церкви невозможно без понимания ключевых терминов, необходимых для разрешения христологического спора. В частности, определяющего термина «ипостась», так как именно ипостась и вопрос соединения природ во Христе являлся наиболее значимым в христологических спорах, оформивших разделение древней Церкви.

Прежде всего, рассмотрим понимание термина «ипостась» в православном богословии. В христианском богословии чёткое разграничение, установление концептуального различия между терминами «сущность» и «ипостась» связано с Великими каппадокийцами, в частности, свт. Василий Великий определяет отношение между сущностью и ипостасью как отношения между «общим и особенным» [3, с. 67], как отмечает прот. О. Давыденков, «в своём тринитарном учении Каппадокийцы исходят из определения ипостаси как сущности, ограниченной особыми отличительными свойствами» [5, с. 79]. Таким образом, ипостась представляет собой конкретную реализацию общей сущности, имеющую независимое существование.

Понимание термина Несторием можно рассмотреть на следующем примере из «Учения и анафем, направленных против анафем Кирилла»:

«Кто признаёт Христа, Который по существу своему есть Еммануил, единым не вследствие союза лиц, и не исповедует Его [состоящим] из двух лиц, Бога-Слова и воспринятого им человека, сочетанных во едино в Сыне, причём, единение их у нас сохраняется без смешения [естеств] – анафема» [11, с. 549]. В данном контексте Несторий однозначно говорит о наличии двух лиц, двух ипостасей, соединяемых в одно в Сыне, безусловно, в рамках полемики с монофизитством, в чём он обвинял и свт. Кирилла Александрийского.

Бабай Великий (он же Мар Бабай) закрепляет терминологию, характерную в дальнейшем для богословия восточносирийской традиции: **ܘܚܕܐ** указывает на то, что является общим, на природу в её абстрактном смысле, на то, что присуще всем представителям того или иного вида, тогда как **ܘܚܕܐܘܬܐ** воспринимается как ипостась, обозначающая конкретизированную природу. Ипостась – это неделимое проявление природ, обладающее всеми её свойствами, общими для всех представителей данной природы. При этом, как отмечает Е. А. Заболотный, ипостась не может быть воспринята другой ипостасью или добавлена к ней, чтобы образовалась единая ипостась [6, с. 297].

В частности, у Бабая Великого отмечается следующее: «Каждая природа известна и раскрывается в своих ипостасях, и каждая ипостась являет и поддерживает природу, из которой она происходит... Никакая природа не может быть явлена без ипостаси, и никакая ипостась не может существовать без природы, и никакое лицо не может быть различимо без ипостаси... Природа является общей и невидимой, поэтому она и проявляется в ипостаси. И как Природа Троицы является общей для трёх ипостасей, так и природа

человека является общей для всех ипостасей людей. И если мы говорим, что две природы соединились в одном лице, не говоря о двух ипостасях, мы говорим, что соединилась вся природа Троицы, Отец, Сын и Святой Дух, и вся природа людей соединилась, Иисус, Иуда, Симон» [15, р. 123–124]. В данном тексте чётко прослеживается догматическое обоснование двуипостасной христологии Церкви Востока, усвоившей её в том числе и усилиями Мар Бабая. Для него одна ипостась – это одна единая природа, в итоге воплощение становится свойством всей Троицы. Поскольку это недопустимая ересь («богохульство», как далее отмечает сам Мар Бабай), то никакого иного варианта христологии, кроме двуипостансного исповедания, быть не может.

Кроме того, в «Книге Единения» Бабай Великий пишет следующее: «Лицо (persona) – это качество ипостаси, которое отличает её от других, как ипостась Павла – не ипостась Петра, хотя они равны с точки зрения природы и ипостаси, оба из них обладают телами и душой, являются живыми, разумными и телесными, но в лице каждый отличается от других в смысле уникальной индивидуальности, которой обладает каждый, будь то возраст, внешность, темперамент, мудрость...» [16, р. 99]. В дальнейшем тексте он развивает тему, чётко говоря о том, что во Христе существует две ипостаси: «Как природы сочетаются в одной личности, так их имена обозначают то, как называют эту личность (persona). В этом союзе одной личности Христа, являющейся единым соединением Божества и человечества, они не отдаляются друг от друга в природе, власти, авторитете, чести, господстве или почитании, но природы остаются разделёнными, не смешиваясь никогда. Но в этой единой личности существуют две ипостаси – Бога Слова и Его храма» [16, р. 100]. Таким образом, для сирийского богослова признание единой ипостаси во Христе будет говорить, что во Христе соединились природы, он также чётко отрицает возможность соединения с Богом Словом всех человеческих ипостасей в Воплощении, ибо «отцы называли соединение природным и ипостасным», что позволяет, по мнению Мар Бабая, выделять во Христе две природы и две ипостаси. Следствие подобного понимания ипостаси – это «разделяющий» характер соединения. Безусловно, однозначная экстраполяция традиционного понимания греческой терминологии невозможна, в то же время невозможно и отрицать отличия в христологическом понимании терминов, и, как следствие, вопроса соединения природ во Христе.

В целом, для сирийского богословия характерны три наиболее важных термина: *kyana* (ܕܢܘܢܐ), *qnoma* (ܩܢܘܡܐ) и *parsopa* (ܦܪܫܘܦܐ),

частично соответствующих терминам «природа», «ипостась» и «лицо». Делая акцент на двух естествах, восточно-сирийские богословы говорили и о двух *qnoma*-ипостасях в Иисусе Христе. Термин *qnoma* означал индивидуальное проявление общего естества (*kuana*) и в этом смысле использовался для перевода греческого слова «ипостась» [7, с. 25]. В христологической формуле Церкви Востока присутствует две *ku* и в то же время две *kuana*. *Parsopa* – одно, это «сыновство» [19]. «Природа» (*ku*) понимается как некая абстракция, это может быть человеческая природа в целом или божественная природа как таковая, в то же время термин «*kuana*» выступает как конкретизация данной абстракции, *kuana* никогда не существует без *qnoma*, термин, используемый для перевода греческого термина «*ὄλότητα*», тем самым, выступает в качестве обозначения конкретной, а не личностной реальности [19]. Для сравнения, у Леонтия Византийского термин «*ὄλότητα*» обозначает «нечто отдельное, индивидуальное, частное, а также может обозначать „некто“». Отличительная черта ипостаси – способность существовать автономно» [10, с. 206]. Тем самым, для несториан слова об одной ипостаси говорят о соединении природ, для монофизитов соединение природ предполагает одну ипостась – терминологические расхождения в данном случае служат не единственной основой последующего догматического разделения (оно не может быть основано только на разной интерпретации терминов), но дополняют его, усложняя взаимопонимание и служа одной из ступеней к различным христологическим формулам, в конечном итоге, изменяющим сотериологию. В то же время, вслед за прот. О. Давыденковым, можно отметить сходство оснований для христологических формул у несториан и монофизитов: терминологическое обозначение ипостаси в этом случае относится к «частной» сущности, в отличие от концептуально выводимого отличия между природой и ипостасью, выделяемого в трудах халкидонских богословов на основе триадологии Великих Каппадокийцев. Севирианское же и несторианское понимание ипостаси схожи: природа не может существовать без ипостаси (тем самым, либо единая ипостась во Христе предполагает существование и одной единой природы, либо же разделение природ предполагает наличие двух ипостасей). Различие между подходами несториан и монофизитов, тем самым, по выражению прот. О. Давыденкова, «проявляется только в том, что в несторианской христологии человеческое лицо рассматривается как реально существующее, тогда как севириане мыслят его только как потенциально данное» [5, с. 373].

Безусловно, персидские богословы не изобретали формулу «две природы, две ипостаси, одно Лицо Единения», так как она является харак-

терной для антиохийского богословия, подходов Феодора Мопсуестийского и Нестория, однако именно в сирийской интерпретации произошло её закрепление, в первую очередь, в трудах уже упоминавшегося в настоящей работе Бабая Великого. В его время происходит и литургическая фиксация формулы [19]. Безусловно, закрепление христологических формул не было единовременным процессом. Однако в настоящее время формула двупостасной христологии сохраняется, при этом подчёркивается, что, когда в сирийском богословии говорится о двух ипостасях, речь идёт о конкретной, личной реализации природы (иными словами, это утверждение, как видно из процитированных выше слов Мар Бабая, доказывает, что Христос не соединился со всем человечеством, но обитал в храме одного человека) [17, р. 162]. Проблемы подобного подхода, тем не менее, касаются не только терминологических установок, но и сотериологии: «разделяющий» характер христологической формулы не соответствует учению о благодати в контексте трудов свт. Кирилла Александрийского. Само Соединение, тем самым, происходит по ипостасным свойствам, хотя в сирийском богословии и идёт речь не о двух лицах, не о двух Сынах, но о двух индивидуализированных природах во Христе [17, р. 163]. Следует отметить, что употребление терминологии у свт. Кирилла исходит из иных предпосылок, по сравнению с севирианским богословием, в частности, взаимозаменяемость терминов «природа» и «ипостась» обусловлена не одним и тем же пониманием терминов (как предполагают последователи Севира), но именно в «безразличном» подходе (взаимозамена терминов связана с употреблением их в несобственном смысле, без отождествления их содержания) [2, с. 47]. Этим во многом и обусловлены сложности с пониманием наследия свт. Кирилла Александрийского, а также принятие его трудов как основы и для православных, и для монофизитов: различные герменевтические предпосылки создают разное восприятие, и, в конечном итоге, иной модели взаимоотношений категорий и понятий.

Тем не менее, рассмотрение определённых текстов свт. Кирилла демонстрирует, что его понимание находится абсолютно в русле православной традиции, в частности свт. Кирилл пишет следующее: «Итак, Он стал человеком, а не воспринял человека, как полагает Несторий. И чтобы уверовали, что Он стал человеком, хотя и остался тем, чем Он был, а именно Богом по природе, о Нём говорится, что Он голодал и уставал от пешего пути, претерпевал и сон, и страх, и скорбь, и другие человеческие и безукоризненные страсти. А с другой стороны, чтобы видящих Его вполне удостоверить в том, что, будучи человеком, Он вместе с тем является и истинным Богом, Он

совершал Божественные знамения, повелевая морем, восставляя мёртвых и устраивая иные чудные дела» [9]. В полемике с Несторием подчёркивается важность единого Субъекта воплощения: человек не воспринимается, а Он (= Слово, Сын Божий) становится человеком. Иными словами, восприятию подлежит человеческая природа, однако в данном контексте отсутствует идея индивидуальной природы, природы «конкретного» человека, что характерно и для несторианского, и для монофизитского богословия.

Отдельно следует отметить полемику против мелькитов богослова IX века Абу Райта ат-Такрити. Он считал дуалистическую христологию мелькитов рискованной с точки зрения полемики с исламом, так как в этом случае легко было воспринять Христа как простого человека и пророка [18, р. 296]. Понимая все возражения халкидонитов, он выразил чётко и последовательно свою христологию в следующих пунктах: одна из Ипостасей Св. Троицы (Сын) воплотилась, Он стал человеком, не изменяясь, и остался им, Он вмещает в себя божественную и человеческую природу, Логос и разумное тело, при этом можно говорить об одном лице, одной ипостаси, одном Христе [18, р. 296]. Абу Райта рассматривает Воплощение как союз тела и души, ссылаясь на христологию свт. Кирилла Александрийского, чётко разграничивая природу и ипостась. При этом центром его полемики были вопросы определения нескольких основных формулировок: Христос – это Воплощённый Бог, Совершенный Бог и Совершенный Человек, а значит, не вся Троица воплотилась, но в то же время и человечество во Христе не является суммой ипостасей людей, он представляет собой одну природу из двух и одну ипостась, а также, что учение о Троице – это не троебожие [18, р. 238]. Наконец, по христологическому вопросу он пишет следующее: «Как это возможно для них [мелькитов] говорить, что Христос (да восславится Он!) – это одна ипостась после того, как они утверждают о двух природах, двух волях и двух действиях? Почему отказываются они описать Его как одну природу и одну ипостась из двух природ, божественной и человеческой, после их соединения и объединения?» [18, р. 235]. Абу Райта учит, что три ипостаси – *и есть* Бог, а Единый Бог – *и есть* три ипостаси. Он оппонирует разделению природы и ипостаси, представленному в халкидонской доктрине [18, р. 249]. Таким образом, в конечном итоге, говоря о триадологии, Абу Райта утверждает, что нужно сделать выбор: либо признать, что ипостась и есть природа, и есть Один и Три одновременно [18, р. 288], а если природа не есть ипостась, то Богов будет четыре. В этом контексте прослеживается стремление отбросить любое разделение, любое «счисление» в Боге (соответствующее подходу Севира Антиохийского). Сам вопрос возникновения поздних триадологических

сочинений актуализируется тем, что в антихалкидонской богословской среде возникает определённое понимание об опасности триадологических последствий неправильного употребления терминов «природа» и «ипостась».

Возражением на представленный антихалкидонскими богословами подход может служить текст Феодора Абу Курры: «К примеру, пусть ипостась вечного Сына подобна какому-то потоку, в который впадает две какие-то реки, [тогда] говорится, что поток принимает [в себя] две реки, при том, что ни одна из рек не принимает [в себя] другую» [13, с. 222], тем самым, ипостасное соединение, по мнению Феодора Абу Курры, не приводит к смешению природ. При этом «ипостась вечного Сына полностью обретает имя и определение двух природ» [13, с. 222], тем самым, ипостась становится сложной. Единение природ, по мнению богослова, происходит в ипостаси, сохраняющейся как целое, не допускающей ни разделения на две (как в несторианстве), ни смешения природ (как в монофизитстве). Для Феодора Абу Курры «христология, допускающая во Христе две Ипостаси, однозначно неприемлема как несторианская» [4, с. 119], при этом он подчёркивает, что Христос – это «одна из Ипостасей Троицы», к которой относятся «два рождения», она «была рождена от Отца прежде веков, и она же родилась, вочеловечилась от Марии Девы в последние времена» [4, с. 122], а неправославное мнение о том, что от Марии могла родиться отличная от Бога Слова ипостась (характерное для несторианской традиции), для него неприемлемо.

Кроме того, православный подход к пониманию термина «ипостась» активно разрабатывается в «Путеводителе» преподобного Анастасия Синаита. В частности, он пишет следующее: «Вот основание веры Отцов! Вот корень, начало и краеугольный камень благочестия! <...> Они говорят, что одно есть природа, а ипостась – другое» [1, с. 236–237]. В своём полемическом труде прп. Анастасий активно возражает против подхода, предполагающего безличный характер ипостаси: «Вы слышите согласие Отцов и блаженного Кирилла, говорящих, что природа есть одно, а лицо – другое. И почему вы, попусту шепчущие и говорящие: „Нет безличной природы, ведь природа и лицо – одно и то же“, в конце концов не умолкнете? От кого из Отцов вы приняли это выражение, покажите. Не сможете же показать, разве только Ария, Савеллия и Нестория, которые говорят, что природа и лицо – одно и то же» [1, с. 240]. Тем самым, свт. Анастасий не только подчёркивает разделение природы и ипостаси с терминологической точки зрения, но и демонстрирует последовательный подход к сотериологическим и христологическим вопросам в рамках православной богословской традиции.

Безусловно, одним из важнейших трудов восточного богословия, определяющим интерпретацию термина «ипостась», являются «Двенадцать глав против тех, которые дерзают защищать мнения Нестория как правые» свт. Кирилла Александрийского. В частности, в этом тексте свт. Кирилл отмечает следующее: «мы говорим, что соединение произошло ипостасное... естество Слова, или ипостась (что означает само Слово), поистине соединилось с естеством человеческим без всякого превращения или изменения» [8, с. 565]. Тем самым, свт. Кирилл не говорит в данном контексте о «конкретной реализации природы», но интерпретирует ипостась в понятии отличной от других самости.

Развитием восточного понимания становится определение соединения природ во Христе как «воипостасного», в частности, у прп. Иоанна Дамаскина можно найти следующий текст: «Λέγεται πάλιν ἐνωπόστατον ἢ ὑφ' ἐτέρας ὑποστάσεως προσληφθεῖσα φύσις καὶ ἐν αὐτῇ ἐσχηκυῖα τὴν ὕλην» [20]. «Воипостасной» же (...) называют природу, которая принимается другой ипостасью и существует в ней.

Тем самым, прп. Иоанн говорит о возможности природы существовать не в собственной ипостаси, а в другой ипостаси, которая принимает её [21], что позволяет восточному богословию установить, в противовес оппонентам, что человеческая природа во Христе не является несуществующей, но воипостасной, не имеющей собственной ипостаси, в частности, об этом говорит свт. Анастасий Синаит [21]. Главным выводом является то, что восточные отцы продолжали защищать православное понимание термина «ипостась», при этом понимая все сложности, возможности неверного употребления термина. Ипостась рассматривается как то, что существует самостоятельно, независимо, но не «отдельно» от природы, не «чуждо» ей.

Если говорить о понимании ипостаси у Севира Антиохийского, в его системе термин «ипостась» «не указывает на самобытное, самостоятельное существование» [5, с. 88]. Севир Антиохийский, тем самым, придерживается более архаичного подхода, интерпретируя ипостась как единичную реализацию общей сущности. В частности, в «Послании к Фоме Синкеллу» он отмечает следующее: «Ипостаси, или природы, пребывая в составлении без преуменьшения его степени, и не существуя отдельно и самобытным существованием, восполняют единое лицо Единого Господа и Христа и Сына, и единой воплощённой природы и ипостаси Слова... особенность природного соединения в том, что ипостаси приходят в составление, и в том, что они совершенны без преуменьшения, но не сохраняют обособленного существования, чтобы быть исчисленными в двух и иметь своё собственное лицо,

отмечающее каждую из них, которые не могут, наверное, составить союз в славе» [12, с. 644]. В данном тексте подчёркивается отсутствие самобытного существования ипостаси, она выступает лишь как конкретная, «обособленная» реализация природы. Севир Антиохийский «отождествляет природу и ипостась... различает ипостась и лицо, относит волю и действие к лицу, а не к природе» [2, с. 156]. Основой для отождествления этих понятий для него служит терминологический подход, принятый в философии Аристотеля. Показательным является следующий текст, приводимый В. Ч. Самуэлем: «Бог Слово, соединяя человечество в Самом Себе, принимает его только как некую абстракцию, а не в ипостасном или личном статусе? Если человечество Христа не имеет того, что делает его лицом, может ли оно каким-либо образом функционировать в Воплощении?» [2, с. 159]. В целом, понимание ипостаси у Севира может быть определено как «индивид» (не в том смысле, в каком его рассматривает, к примеру, прп. Иоанн Дамаскин, а, скорее, «индивидуализированная природа», характерная для понимания В. Н. Лосского), обладающий определёнными отличительными признаками, но ипостась в его понятийной системе – это не обязательно самостоятельная, независимая сущность [5, с. 88].

Несмотря на то, что расхождение в понимании ипостаси (самобытность её бытия или её отсутствие, личная реализация общей природы и т. д.) представляется исключительно терминологическим, важным с точки зрения православного богословия является следующий из этого понимания вывод. Вопрос заключается в понимании благодати и соединения Бога и человека. Понимание Логоса как единого субъекта Христа определяет «наше приемное сыновство», находящееся в непосредственной зависимости от «Христовой природного сыновства» [14, с. 130], тем самым, если мы, по мысли свт. Кирилла, вносим разделение, то соединение, доступное нам, остаётся соединением с человеком. Логос в православном понимании выступает не как композит, не как составная личность, не как единение чести и славы.

Тем самым, ипостась определяется как способ существования или образ бытия природы, по отношению к природе ипостась выступает как принцип её индивидуализации, начало, в котором природа обретает своё действительное существование, а в контексте христологических споров понимание ипостаси различалось у православных, монофизитских и несторианских авторов. Введение термина «воипостасный» позволяет православным авторам разграничить природы во Христе, не переходя в логически следующее из аристотелевского отрицания невозможности существования

природы без ипостаси несторианство [5, с. 161], тем самым, давая почву для закрепления терминологических различий. При этом, безусловно, все стороны спора разделяли природу и ипостась, однако только в православном подходе существовала возможность «отделить» ипостась от природы для определения догматической формулы «две природы – одна ипостась», тогда как понимание терминов, существовавшее в сирийской традиции, этого в полном объёме сделать не позволяло, в то же время нельзя говорить о том, что различие богословских идей (и даже сама рецепция несторианства или монофизитства) в Сирии определялась исключительно терминологическими расхождениями.

Проведённый анализ демонстрирует существенное расхождение в понимании термина «ипостась», что, в свою очередь, привело (наряду с другими факторами, подробный анализ которых выходит за рамки настоящей работы) к последующим догматическим расхождениям. Православное понимание термина «ипостась» соответствует главной христологической идее свт. Кирилла Александрийского в рамках его полемики с Несторием, где, как отмечает Д. Ферберн, важнее всего было, «кто является личностным субъектом Христа», «Кирилл считал, что единый субъект Христа – это Логос (а не человек, как у Феодора и Нестория), который, будучи самим Богом, добавил в себя конкретное человечество» [14, с. 149], тем самым, православный подход к пониманию термина «ипостась» раскрывается, в первую очередь, с сотериологических позиций, а иное рассмотрение соединения природ во Христе (нами рассматривалось понимание термина исключительно в контексте христологических споров) приводит к иной интерпретации христологической реальности, и, как следствие, к изменению сотериологической парадигмы, что и прослеживается на примере несторианского или монофизитского подходов. Тем не менее, интерпретация терминов должна проводиться в контексте. Слишком претенциозными будут как заявления о том, что «Несторий и свт. Кирилл утверждали по сути одно и то же», так и заявления о том, что «Несторий учил о двух сынах» (ни то, ни другое не является однозначно верным). Проблема понимания терминов раскрывается более полно в различных сотериологических концепциях, изучение которых позволит более глубоко понять современные последствия христологических споров.

Источники и литература

1. Анастасий Синаит, прп. Путеводитель // Адриан (Пашин), игум. Главное христологическое произведение преподобного Анастасия Синаита «Путеводитель»: монография. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2018. 408 с.

2. Богословский диалог между православными и антихалкидонитами (прошлое – настоящее – будущее): вклад Святой Горы Афон. Ч. 1 / пер. с новгреч. М. А. Вишняка. Сергиев Посад, 2021. 274 с.
3. Богословская терминология: основные понятия : учеб. пособие / прот. О. Давыденков, прот. Н. Емельянов, С. А. Чурсанов. М., 2023. 264 с.
4. Давыденков О., прот. Богословие Феодора Абу Курры, епископа Харранского. М., 2020. 304 с.
5. Давыденков О., прот. Христологическая система умеренного монофизитства и ее место в истории византийской богословской мысли. М., 2020. 560 с.
6. Заболотный Е. А. Сирийское христианство между Византией и Ираном. СПб., 2020. 406 с.
7. Иларион (Алфеев), митр. Духовный мир преподобного Исаака Сирина. М., 2017. 440 с.
8. Кирилл Александрийский, свт. Кирилла, архиепископа александрийского двенадцать глав против тех, которые дерзают защищать мнения Нестория как правые // Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия : в 2 т. Т. 1. СПб., 2009. С. 562–581.
9. Кирилл Александрийский, свт. Два послания к Суккенсу, епископу Диокесарийскому // Азбука.ру : сайт. URL : https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Aleksandrijskij/dva-poslanija-k-sukkensu-episkopu-diokesarijskomu (дата обращения: 15.09.2023).
10. Милано А. Ипостась, Лицо, Личность: генеалогия понятия в богословии Древней Церкви. СПб., 2021. 548 с.
11. Несторий. Учение и анафемы, направленные против анафем Кирилла // Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия : в 2 т. Т. 1. СПб., 2009. С. 549–560.
12. Севир Антиохийский. Послание к Фоме Синкелу, в котором Севир показывает, что одно и то же говорить о соединении во Христе и о соединении из двух природ или двух ипостасей // Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия : в 2 т. Т. 1. СПб., 2009. С. 644.
13. Феодор Абу-Курра. О единении и воплощении и о том, как ипостась воплотилась, а природа Божественная объединилась с природой человеческой в ипостаси Слова Божиего // Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия : в 2 т. Т. 2. СПб., 2009. С. 221–226.

14. Ферберн Д. Учение о Христе и благодати в ранней Церкви. М., 2008. – 323 с.
15. Babai the Great // A Nestorian Collection of Christological Texts. Ed. by Abramowski, L. London: Cambridge University Press, 1972. Vol II. p. 123–124.
16. Babai the Great. The Great Boof of the Union // Invitation to Syriac Christianity. Ed. by Michael Philip Penn and others. California, 2022. p. 99–101.
17. East Syriac Theology: An Introduction. Ed. by Pauly Maniyattu. India: St. Ephrem's Theological College; Palai: St. Thomas Press, 2007. 384 p.
18. Ebeid, Bishara. Patristic Tradition, Trinitarian Doctrine, and Metaphysics in Abū Rā'ītah al-Takrītī's Polemics against the Melkites. *Floreilia Syriaca. Mapping a Knowledge-Organizing Practice in the Syriac World. Supplements to Vigiliae Christianae. Vol. 179.* Boston: Brill, 2023 p. 228–306.
19. Geevargese Chediath. The Three Crucial Terms in Syriac Theology -Kyana, Qnoma, and Parsopa. URL : <https://malankaralibrary.com/ImageUpload/0e4d027f032bd21fe71324b35a1317c2.pdf> (accessed: 27.08.2023).
20. John of Damascus, *Dialectica*. Recensio fusior. URL : https://catholiclibrary.org/library/view?docId=/Fathers-OR/John_of_Damascus__Dialectica_Recensio_fusior.gr.html (accessed: 27.08.2023).
21. Krausmüller, D. Enhypostaton: Being “in Another” or Being “with Another”? How Chalcedonian Theologians of the Sixth Century defined the Ontological Status of Christ's Human Nature. *Vigiliae Christianae*, 71(4). 2017. p. 433–448.

D. V. Isaev

THE ISSUE OF UNDERSTANDING THE TERM “HYPOSTASIS” WITHIN THE SYRIAC TRADITION IN RELATION TO THE ORTHODOX INTERPRETATION

Abstract: The author analyzes the term “hypostasis” in Syriac and Orthodox traditions, studying both “Nestorian” an “Monophysite” approaches, the examples of the term usage are being studied. The importance of understanding the common and the different within the theological term system is underlined. The author characterizes the different approaches in the context of the term “hypostasis” and the context of the teaching of St. Cyril of Alexandria

and his concept of grace are taken into consideration. Such writers as Babai the Great, Theodore Abu Qurrah, Severus of Antioch, Anasthasius Sinaita are analyzed. On the basis of their works analysis as well as on the basis of scientific understanding of the term “hypostasis” in Orthodox, Monophysite and Nestorian context (mainly Syriac) the consequences of different understanding are stated.

Key words: patristics, hypostasis, theological terminology, Christological controversy, nestorianism monophysitism, Babai the Great, Severus of Antioch, Cyril of Alexandira, Anasthasius Sinaita.

References

1. Anasthasius Sinaita. Putevoditel' [Guide along the Right Path]. In *Adrian (Pashin A. V.), hegum. Glavnoe hristologicheskoe proizvedenie prepodobnogo Anastasiya Sinaita «Putevoditel'»: monografiya* [The main Christological work of St. Anasthasius Sinaita “Guide Along the Right Path”]. St. Petersburg, 2018, 408 p. In Russian.

2. Bogoslovskij dialog mezhdu pravoslavnyimi i antihalkidonitami (proshloe – nastojashhee – budushhee): vklad Svjatoj Gory Afon. Chast' 1 [The Theological Dialogue Between the Orthodox and the Anti-Chalcedonians (Past – Present – Future): An Anthonite Contribution]. Transl. from the Modern Greek by M. A. Vishnjak. Sergiev Posad, 2021, 274 p. In Russian.

3. Davydenkov O., archpriest; Emel'yanov N., archpriest; Chursanov S. A. Bogoslovskaya terminologiya: Osnovnye ponyatiya: Uchebnoe posobie [Theological Terminology: the most important notions. A textbook]. Moscow, 2023, 264 p. In Russian.

4. Davydenkov O., archpriest. Bogoslovie Feodora Abu Kurry, episkopa Harranskogo [The Theology of Theodor Abu Qurrah]. Moscow, 2020, 304 p. In Russian.

5. Davydenkov O., archpriest. Hristologicheskaya sistema umerennogo monofizitstva i ee mesto v istorii vizantijskoj bogoslovskoj mysli [The Christological System of moderate Monophysitism and its place in the history of Byzantium thought]. Moscow, 2020, 560 p. In Russian.

6. Zabolotnyj E. A. Sirijskoe hristianstvo mezhdu Vizantiej i Iranom [Syrian Christianity between Byzantium and Iran]. St. Petersburg, 2020, 406 p. In Russian.

7. Hilarion (Alfeev), metropolitan. Duhovnyj mir prepodobnogo Isaaka Sirina [The Spiritual World of the St. Isaac of Nineveh]. Moscow, 2017, 440 p. In Russian.

8. Benevich G. I. (comp.). Cyril of Alexandria. Kirilla, arhiepiskopa aleksandrijskogo dvenadcat' glav protiv teh, kotorye derzajut zashhishhat' mnenija Nestorija kak pravye [Twelve chapters of Cyril, Archbishop of Alexandria, against those who dare to defend the opinions of Nestorius as right-wing]. In *Antologiya vostochno-hristianskoj bogoslovskoj mysli. Ortodoksiya i geterodoksiya* [The Anthology of Eastern Christian Theological Thought. Orthodoxy and Heterodoxy]. In 2 Vols. Vol 1. St. Petersburg, 2009, pp. 562–581. In Russian.

9. Cyril of Alexandria. Dva poslanija k Sukkensu, episkopu Diokesarijskomu. [Two letters to Succensus, bishop of Neo-Caesarea]. [Electronic resource]. Mode of access: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Aleksandrijskij/dva-poslanija-k-sukkensu-episkopu-diokesarijskomu (accessed: 15.09.2023). In Russian.

10. Milano A. Ipostas', Lico, Lichnost': genealogiya ponyatiya v bogoslovii Drevnej Cerkvi [Hypostasis, Person, Personality: the Genesis of the notion in the Theology of the Ancient Church]. St. Petersburg, 2021, 548 p. In Russian.

11. Benevich G. I. (comp.). Nestorius. Uchenie i anafemy, napravlennye protiv anafem Kirilla [Teachings and anathems against the anathems of Cyril]. In *Antologiya vostochno-hristianskoj bogoslovskoj mysli. Ortodoksiya i geterodoksiya* [The Anthology of Eastern Christian Theological Thought. Orthodoxy and Heterodoxy]. In 2 Vols. Vol 1, St. Petersburg, 2009, pp. 549–560. In Russian.

12. Benevich G. I. (comp.). Severus of Antioch. Poslanie k Fome Sinkelu, v kotorom Sevir pokazyvaet, chto odno i to zhe govorit' o soedinenii vo Hriste i o soedinenii iz dvuh prirod ili dvuh ipostasej [A letter to Thomas Syncellus in which he shows that it is the same thing to speak of the union in Christ as from two natures and from two hypostases]. In *Antologiya vostochno-hristianskoj bogoslovskoj mysli. Ortodoksiya i geterodoksiya* [The Anthology of Eastern Christian Theological Thought. Orthodoxy and Heterodoxy]. In 2 Vols. Vol 1. St. Petersburg, 2009, p. 644. In Russian.

13. Benevich G. I. (comp.). Theodore Abu Qurrah. O edinenii i voploshhenii i o tom, kak ipostas' voplotilas', a priroda Bozhestvennaja ob'edinilas' s prirodoy chelovecheskoj v ipostasi Slova Bozhiego [On the union and the incarnation and about the incarnation of the Hypostasis and the unification of the Divine nature with the human nature in the Hypostasis of the Word of God]. In *Antologiya vostochno-hristianskoj bogoslovskoj mysli. Ortodoksiya i geterodoksiya* [The Anthology of Eastern Christian Theological Thought. Orthodoxy and Heterodoxy]. In 2 Vols. Vol 2. St. Petersburg, 2009, pp. 221–226. In Russian.

14. Fairbairn D. Uchenie o Hriste i blagodati v rannej Cerkvi [Grace and Christology in the Early Church]. Moscow, 2008, 323p. In Russian.

15. Abramowski, L. (ed) Babai the Great. In *A Nestorian Collection of Christological Texts*. London: Cambridge University Press, 1972. Vol II. Introduction, Translation and Indexes, p. 123–124. In English.

16. Michael Philip Penn and others (eds) Babai the Great. *The Great Boof of the Union*. In *Invitation to Syriac Christianity. An anthology*. California: University of California Press, 2022, pp. 99–101. In English.

17. *East Syriac Theology: An Introduction*. Ed. by Pauly Maniyattu. India: St. Ephrem's Theological College; Palai: St. Thomas Press, 2007, 384 p. In English.

18. Ebeid Bishara. *Patristic Tradition, Trinitarian Doctrine, and Metaphysics in Abū Rā'īṭah al-Takrītī's Polemics against the Melkites*. In *Floregilia Syriaca. Mapping a Knowledge-Organizing Practice in the Syriac World. Supplements to Vigiliae Christianae*. Vol. 179. Boston: Brill, 2023, pp. 228–306. In English.

19. Geevargese Chediath. *The Three Crucial Terms in Syriac Theology -Kyana, Qnoma, and Parsopa*. [Electronic resource]. Mode of access: <https://malankaralibrary.com/ImageUpload/oe4d027f032bd21fe71324b35a1317c2.pdf> (accessed: 27.08.2023). In English.

20. John of Damascus, *Dialectica*. *Recensio fusior*, [Electronic resource]. Mode of access: https://catholiclibrary.org/library/view?docId=/Fathers-OR/John_of_Damascus__Dialectica_Recensio_fusior.gr.html (accessed: 27.08.2023). In English.

21. Krausmüller D. *Enhypostaton: Being “in Another” or Being “with Another”?* – How Chalcedonian Theologians of the Sixth Century defined the Ontological Status of Christ's Human Nature. *Vigiliae Christianae*, 71(4), 2017, pp. 433–448. In English.